

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Ояра ВАЦИЕТИСА

Так уж случилось, что два поэта, не сговариваясь, написали о третьем. И в редакции «ЛГ» оказалось два материала.

Каждый автор, разумеется, по-своему подошел к этой теме. Так, Петерис ЗИРНИТИС считает, что жизнь поэта — в его стихах и писать о Вацietисе — значит прежде всего говорить о поэзии. Янис ПЕТЕРС же задался целью рассказать о личности Ояра.

Обе статьи как бы дополняли друг друга, и мы решили свести их воедино — получился довольно необычный жанр «заочного диалога».

«ТРЕЩИНА МИРА ПРОХОДИТ ПО СЕРДЦУ ПОЭТА»

П. З. По длинной лиственной аллее идет нам навстречу светловолосый латышский юноша. Он держит путь из далеких ныне пятидесятых годов.

Отправившись тогда в дорогу, Ояр и сам еще не знал, что со временем напишет об этой аллее стихотворение. Оно зазвучит со сцены, по радио и телевидению, его строками украсят фасады сельских домов культуры. Юноша придет в Ригу из тихой северной провинции Латвии — Трапене, чтобы потом всю жизнь бороться с душевным провинциализмом. Чтобы создать такой поэтический образ — пейзаж лиственной аллеи, — который для многих станет зримым воплощением чувства Родины.

В тот давний день, когда над головой Ояра шелестели раскидистые лиственницы, он и не подозревал, что его стихи переведут почти на все языки нашей многонациональной страны и на языки многих народов мира. Не знал, что за эти строки одни полюбят его, а другие станут с ним враждовать. Что солидные критики и литературоведы, словно мальчишки, будут затевать чуть ли не потасовки, споря о его творчестве. А потом напишут о нем целые тома. Не думал он ни о славе, ни о титулах. И, конечно же, у него и в мыслях не было, что после Яна Райниса, Мирдзы Кемпе и Яна Судрабална его назовут народным поэтом Латвии.

По бесконечной аллее шагает романтически настроенный юноша... Но уже в ту пору он твердо знал: каждый человек обязан исполнять свой долг на этой земле.

Вовсе не так уж много поэтов, чье творчество можно было бы назвать «ездой в неизвестное». Разрушитель застывших канонов, Ояр Вацietис в каждом новом сборнике разрушает и свои собственные, чтобы в следующей книге возродиться вновь — благодаря неиссякающей в нем вере в Человека, в идею дружбы и братства народов. В той же мере неистребимы в Вацietисе и чувство иронии, непримиримого отношения к бытательщине, бюрократизму, ко всему тому, что порабощает дух, стремится уничтожить в человеке человеческое. На смену юношеской порывистости первых сборников (в начале пути кажется, что «пороги обходить некогда») пришли зоркость и острая наблюдательность. Восемнадцать книг написал Вацietис. И после каждой — ярые споры критиков и читателей...

Я. П. Ояр не ангел, далеко не ангел. Он может не явиться на собрание, покинуть своих гостей в самый неподходящий для этого момент. В первый миг недоумевашь — ну, как же так можно?! Но тотчас смиряешься: ему же надо писать, и он напишет, да еще как напишет! В нем каким-то удивительным образом уживаются аскетизм, безжалостное отношение к самому себе, самоотверженная любовь к людям и... загадочная отстраненность от них. В этом и заключается двойственность характера Вацietиса: в быту с ним порою трудно, и своим искусством он словно хочет заслужить себе прощение за это.

...День летнего солнцестояния. Мы едем праздновать его за город. Далеко, куда-то под Вайдаву. Мы спешим навстречу празднику, и настроение у нас приподнятое: веселимся, острим, немножко зубоскалим. Лишь Ояр молчит.

Неожиданно, всего-то через час после нашего приезда, он

собирается домой. Упрашиваем его остаться, пожимаем плечами, переглядываемся, просим жену повлиять. Она грустно улыбается и качает головой: «Если Ояр так хочет, ничего не поможет». И он уехал, хотя раздобыть машину казалось невозможно.

Потом я долго размышлял над этим случаем и, кажется, понял: поэта тогда возмутило наше мелкое критиканство, наши длинные, неумные языки. Вацietис не терпит подобного острословия. Для мастера сатирических стихов черта, казалось бы, довольно странная. Но ведь сколь огромно расстояние между злыми разговорчиками в тесной компании и острой гражданской сатирой. Сатирик — своего рода хирург и целитель.

Что написал Ояр в своей квартире в Задвиньи той ночью, когда мы остались в Вайдаве? Может, тогда и родились строчки, посвященные дню солнцестояния, — такие правдивые и глубокие, что дух захватывает. Уверен, многое написано им вот так — «издалека». В этом он схож с теми пейзажистами, которые предпочитают работать не на натуре, а в мастерской. Ояр по долгу вынашивает свои темы, и они как бы всегда стоят перед его умственным взором. Как-то, сидя в ресторане аэропорта Спилве, он провозгласил тост за каждый самолет, поднимающийся в воздух. Да, и в тех самолетах, которые ушли в небо без него, Ояр облетел весь мир.

П. З. Эффект присутствия, острого сопереживания характерен для стихов Ояра Вацietиса, даже если речь в них идет о событиях, свидетелем которых он быть не мог. Поэт принадлежит к тому поколению, которое видело ужасы войны, сложные человеческие отношения и судьбы послевоенных лет через призму детского восприятия. Об этом он написал в своей единственной прозаической книге «Глазами тех дней». Вообще же ненависть к войне у него глубоко личная. Может, потому его антивоенные стихи так захватывают, берут за душу:

Товарищ врач!
После операции прошу
вернуть мне этот осколок.
Он жил по соседству
с сердцем,
стенка была тоньше
пальпированной бумаги,
и он все подслушал.

А самое главное —
нельзя отпустить
на свободу осколки,
которые побывали в груди
человека
и знают туда дорогу.

Я. П. Вацietис на редкость восприимчив к человеческим бедам и горестям. И, когда вспоминаешь, как часто ему приходится испытывать душевную боль, становится страшно за него.

Оголенная ветрами земля уже без снега, но еще без цветов. И чье-то бессонное окно в ночи. И война. И девушка на заднем сиденье автобуса, разделая бесстыдным взглядом. Ояр хочет ее защитить. Пытается уберечь ее в стихотворении, как в защитном коконе. И не может спасти.

В нем будит боль снег в Будапеште. И Ангола. И зверства путчистов на стадионе Сантьяго. И все, что у нас не ладится. И весеннее золото одуванчиков. И маленькая секретарша Марите...

Но, кажется, я почти цитирую, хотя обещал не делать этого. Ведь моя задача — писать, в первую очередь, о личности поэта.

Лирический дар Ояра Вацietиса, как тончайший музыкальный инструмент, улавливает мировую гармонию, звучит ей в унисон, чутко реагирует на малейшие диссонансы. И уже сам поэт, словно ученый-исследователь, подключает к себе адаптеры, переносит нечеловеческие нагрузки и хочет он лишь одного — чтобы люди услышали и поняли тревожную музыку нашего времени.

Неустанный духовный поиск, напряженный творческий труд

— на эту «волну» настроена вся жизнь Вацietиса, начиная с каждодневного распорядка и кончая мелочами быта, в чем-то, может, даже и аскетического. Поэт живет в деревянном доме без так называемых удобств. Одно время он не позволял делать в своей квартире капитальный ремонт, наверное, «чтобы не покрасили нечисто годы поэзии». Собранность и простота проявляются и в его внешнем облике: в его манере одеваться нет и намека на респектабельность или пресловутый «художественный беспорядок» с нарочитым отсутствием пуговицу. Ояр не умеет водить машину. Почетное место на его книжной полке занимает «Красная книга» — о тех представителях мировой флоры и фауны, которым грозит уничтожение.

П. З. «Дух гражданственности живет в каждой строке Вацietиса...» — сказал как-то украинский поэт Иван Драч. Я бы добавил: и в каждом его поступке, в каждом жесте, в каждой детали его жизни.

Когда у нас отмечался юбилей Есенина, в периодике появились его стихи в переводах Вацietиса — даже неповторимая «Шагане», которую, казалось бы, вообще невозможно перевести на какой-либо другой язык из-за ее глубоко русской, есенинской основы. Но Есенин, воспроизведенный Вацietисом по-латышски, живет. Потом Вацietис перевел «Мастера и Маргариту» Булгакова. Один корреспондент спросил его, почему он, поэт, взялся за перевод такого сложного прозаического произведения. Вацietис ответил, что ему просто было стыдно, что этот роман еще не переведен на латышский... Перевод сделан на одном дыхании, свободно и естественно.

Я не звонил директору национального парка «Гауя» и не уточнял, сколько поступило пожертвований на их счет после того, как в газете выступил Ояр Вацietис. А ведь он сказал совсем простые слова — только напомнил, что надо помочь природе. Но я знаю, его призыв к общественности не остался без ответа, ведь слова эти сказал столь авторитетный человек.

Трещина мира проходит по сердцу поэта... — как точно этот образ подходит к Вацietису, поэту и гражданину!

Теперь возможен костер,
погасит который
у человечества не хватит
нрови —
оно истратит всю
до последней капли,
а мир останется
горящим.

Его стихи предупреждают. И поэт имеет на это право, так как видит дальше и зорче многих.

Уже металл ультразвуком
режем.
Что же со звуком
твоего голоса,
разум?

Твой голос опять заглох,
а это всегда
к беде.

Кончился перерыв,
пресс-конференция — тоже.
Мы создали ее потому,
что еще недавно
мог Эйнштейн спастись
за океаном.
Теперь уже негде
ему спастись.

Я. П. Творчество Ояра Вацietиса вот уже двадцать лет привлекает к себе сосредоточенное внимание критиков, литературоведов и всех тех, кто ищет путей постижения действительности во всей ее сложности и многообразии. Органичное сочетание гражданственности с проникновенным лиризмом, современных интонаций, нередко злободневных тем с широкой исторической панорамой — в этом, по-моему, и заключается сила и притягательность его поэзии.

Петерис ЗИРНИТИС,
Янис ПЕТЕРС

РИГА